

BARTOSZ OSIEWICZ

Ирония в поэзии Владлена Гаврильчика

Irony in Vladlen Gavrilchik's poetry

Abstract. This article is devoted to the analysis of irony in Vladlen Gavrilchik's lyrics, which belong to two directions in modern Russian poetry – “neo-primitive”, and “ironic, caricature-grotesque poetry”. Irony is one of the main literary techniques used by the Russian primitive poet. In the speech of Gavrilchik's characters there is a hidden living author's word, saturated with a hidden meaning. The recipient's ignorance of the irony will certainly lead to interpretative failures. Therefore, Gavrilchik the ironist addresses his poetry to a reader who understands his poetic jokes and ironic games. The article also shows that Gavrilchik depicts Soviet reality in an ironic manner; he ironically reinterprets also socialist-realist images, simultaneously mocking the founders of socialist-realist poetics.

Keywords: Vladlen Gavrilchik, irony, double meaning, modern Russian poetry, neo-primitive

Bartosz Osiewicz, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Poznań – Polska, osiebar@amu.edu.pl, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2208-5386>

Российский литературовед и культуролог Михаил Эпштейн, создавая список „новых русских поэзий”, выделил 10 основных поэтических течений, среди которых оказались „неопримитив” и „ироническая, шаржированно-гротесковая поэзия” (Ėpštejn, электронный ресурс). Оба течения в современной лирике непременно связаны с именем Владлена Васильевича Гаврильчика (1929–2017), который в художественном слове использовал отдельные художественные приемы, характерные для этих явлений. Поэтическое наследие ленинградского художника-примитивиста – за исключением отдельных исследовательских попыток в виде немногочисленных научных статей и сообщений (Krejč, электронный ресурс; Pazuhina 2017a, 2017b; Osiewicz) – практически не изучалось литературоведением. В советский период этому способствовали, в частности, маргинальное положение этого яркого представителя творческой богемы в тогдашнем обществе и сознательное существование Гаврильчика вне рамок официальной культуры, что сопровождалось системным игнорированием „нелепых до оторопи” сюжетов его

поэзии [так сказал о них Вадим Крейд – один из первых исследователей творчества питерского литератора (Krejđ, электронный ресурс)]. Возникшей лакуны не были в состоянии заполнить ни самиздатские [первый самиздатский авторский сборник Гаврильчика *Бляха-муха изделия духа* тиражом в три экземпляра был выпущен подругой поэта, занимавшейся, по его словам, „переплетным делом” (Gavril’čik M., электронный ресурс)], ни тамиздатские (Gavril’čik V. 1977) публикации поэзии классика ленинградского нонконформизма. В постсоветское время, когда путь Гаврильчика к массовому читателю стал открытым, чему, в свою очередь, содействовали официальные издания его произведений в области литературы (Gavril’čik V. 1994, 1995, 2004, 2005, 2008, 2009b) и изобразительного искусства (Prihod’ko; Gavril’čik V. 2009a), творческое наследие „инвалида «холодной войны»” (Val’ran, электронный ресурс) оказалось чуждым как литературному мейнстриму, регулируемому, в основном, законами рыночной экономики, так и современным энтузиастам массовой культуры, обошедшим вниманием „элитарную” примитивистскую лирику. В итоге, знаковая для литературного андеграунда фигура Гаврильчика и его творческое достояние все время нуждается в тщательном научном описании.

Рассматривая поэтическое творчество Гаврильчика в контексте двух вышеуказанных направлений в современной русской поэзии, особое внимание следует уделить иронии, являющейся как одним из основных литературных приемов, использованных поэтом-примитивистом, так и ярчайшим художественным методом, отражающим авторский способ мышления и восприятия мира. Гаврильчик – иронист и шутник по природе – в своей лирике играет новыми смыслами, пряча их под тонким слоем незакавыченных прямых значений. Таким образом, поэт оперирует литературной иронией, которая, как утверждает швейцарский литературовед Беда Алеманн, представляет собой вид дискурса, основанного на диссонансе между тем, что сказано, и тем, что хочется сказать на самом деле (Allemann 22), является „прозрачной” оппозицией, между буквальным и настоящим значением (Allemann 24, 36) или – как считает польская исследовательница иронии Агнешка Дода – „прозрачным контрастом между буквальным и настоящим смыслами” [перевод мой – В. О.] (Doda 2004b: 7). Итак, ирония, отличительной чертой которой – как совершенно справедливо замечает Джульетта Леоновна Чавчанидзе – является „двойной смысл, где истинным является не прямо высказанный, а противоположный ему подразумеваемый” (Čavčanidze 316), представляет собой фундаментальную категорию лирики ленинградского автора.

Одной из ярких особенностей поэтики Гаврильчика является удачная попытка создать новый тип поэтического героя; тип, базирующийся в основном на литературной традиции мастера сказа Михаила Зощенко, а также

виртуоза абсурда Даниила Хармса и сохраняющий отдельные черты своих первоисточников в новом родовом и жанровом контекстах. Между прочим, благодаря этому, поэзия ветерана ленинградского андерграунда вплотную примыкает к „неопрIMITиву”, который – как утверждает Эпштейн – использовал „детский и обывательский тип сознания для игры с самыми устойчивыми, близкими, поверхностными слоями реальности, поскольку все остальные метафизически неизвестны и поддаются идеологической подмене” (Ěřštejn, электронный ресурс). Она ориентируется тоже на поэтику „иронической, шаржированно-гротесковой поэзии”, которая – согласно Эпштейну – обыгрывает „трафареты повседневного образа жизни, абсурдизм существования «типичного» человека в «образцовом» обществе” и „работает с самой реальностью – на уровне не грамматического описания идеоязыка, а производимых на нем конкретных сообщений” (Ěřštejn, электронный ресурс).

Гаврильчик-иронист, предоставляя слово лирическому герою-рассказчику, с помощью его высказываний, говорит читателю совершенно другое, противоположное; дает ему понять, что в потоке речи его персонажа спрятано живое авторское слово, насыщенное настоящим скрытым смыслом. Такой способ прочтения художественного текста классика ленинградского андерграунда перспективен в случае ироничного стихотворения *Приснилось мне звериное лицо Америки...* Ироничными являются уже первые строки сочинения, послужившие ему заглавием, выражающие особенности его идейно-тематического плана и содержащие суть его смыслового концепта. Используя яркое, идеологически окрашенное выражение, поэт наводит фокус читательского внимания на смыслообразующий ряд оппозиций: свое – чужое, хорошее – плохое, советское – американское; оппозиций, на которых построена структура стихотворного текста Гаврильчика. Объектом деконструкции, проведенной автором, является стереотипное представление об Америке как идеологическом враге Страны Советов. Именно в таком ракурсе советское общество видело образ Америки, последовательно создаваемый и укрепляемый государственной пропагандистской машиной. Одной из ее многочисленных жертв является поэтический субъект стихотворения, проснувшийся от пугающего сновидения. У Гаврильчика *American Dream* под идеологическим давлением превращается в настоящий кошмар, закончившийся пробуждением спящего *Homo soveticusa*. Комический эффект достигается путем перечисления атрибутов советского быта, изображаемых в ироническом ключе авторской издевки. „Портрет Сталина”; „бутылка бормотухи на столе”; „клоп, по стенке держ<ащий> путь”; „вздохи унитаза” за дверью коммуналки; „мозолистые руки жены – ударницы труда”; „гайдаров и фадеевых творенья”, хранящиеся в домашней библиотеке (Gavril'čik V.,

электронный ресурс) – все это является неотъемлемой частью советской реальности и помогает лирическому субъекту стихотворения уяснить, где он на самом деле находится. Восклицание, завершающее стихотворение: „Товарищ Сталин, дома я. Мерси!” (Gavril’cik V., электронный ресурс), выражает чувство искренней благодарности, испытываемой персонажем Гаврильчика. Однако, что важнее, оно содержит в себе авторскую иронию, которая в качестве художественного приема и литературного метода представляет собой основу как этого, так и других стихотворений живописца-примитивиста.

Изучая ироническое поэтическое слово Гаврильчика, следует обратить внимание на категорию адресата, столь существенную в контексте размышлений об иронии. Поскольку ирония представляет собой коммуникативное явление, адекватное понимание художественного текста, согласно авторской интенции, невообразимо без идентификации иронии; идентификации, исключающей в дальнейшем возникновение недоразумений и ложных смыслов (Głowiński 8–9). Итак, игнорирование иронии реципиентом непременно приводит к интерпретационным неудачам. Этот факт касается, как иронического литературного творчества в целом, так и лирического наследия Гаврильчика в частности. Именно поэтому „ветеран ленинградского нонконформизма”, хотя и создавал свою примитивистскую поэзию в свободном акте творчества, то рассчитывал, однако, не на читателя, по умственному складу схожего с лирическими персонажами своих стихотворений, а на ценителя авторских шуток и иронических игр, происходящего из среды независимой интеллигенции советского периода. Такой читатель лирическую ситуацию упомянутого выше стихотворения *Приснилось мне звериное лицо Америки...* воспринимал не как данность, не как реальное описание действительности, а как противоречащее правде высказывание иронического характера, преследующее соответствующую идейную цель.

Слово героев Гаврильчика перенасыщено ироничной авторской интонацией; в нем запечатлены жест и мимика шута. Иногда расстояние между поэтом и созданным им персонажем сокращается до такой степени, что сам лирический субъект, вполне осознавая „двойственный” характер своих высказываний, становится *alter ego* автора, в идейном плане надевает его маску. Такого рода ситуация наблюдается в шуточном стихотворении *Шел по лесу. Присел по делу...*, в котором рассказана совершенно несообразная история, ставшая – в данном случае – поводом для „похвалы” советской реальности. (Кстати, этот прием наблюдается в поэзии Гаврильчика довольно часто; в качестве примера можно привести хотя бы стихотворение *Как-то будучи с похмелья...*, в котором наивный герой-рассказчик повествует о том, как покупая в аптеке пирамидон, неожиданно получил от девушки-фармацевта предложение записаться презервативом). Для лирического субъекта, обитаю-

щего в идеальном пространстве коммунистической утопии, где „солнце светит им. Ленина, Ордена Трудовой славы” и „веет Ордена Красного знамени ветер” (Gavril'čik V., электронный ресурс), даже процесс дефекации сопровождается чувством гордости, вызванным всеохватывающей пропагандой успеха в социалистическом соревновании. Все это заметно в оптимистичных и жизнерадостных по своему звучанию иронических строфах художественного текста, выдержанного в примитивистской манере:

Газету не мну: читаю сначала.
Вполне понятно мое волнение.
В каждой строчке сквозят успехи.
В каждой строке сквозит достижение.

Встал. Легко. И пошел со свистом.
Эх, хорошо-то как на свете!
Солнышко ласково греет и веет
Ордена Красного знамени ветер.
(Gavril'čik V., электронный ресурс)

Резкое неприятие реальности, в которой пришлось жить поэту и его персонажам, заметно и в шутовском, насыщенном автобиографическими мотивами стихотворении *Я карандаш с бумагой взял...* Как известно, Гаврильчик был талантливым поэтом-нонконформистом и одновременно одаренным художником-любителем. В одном из своих интервью в иронической манере поэт-живописец вспоминал юношескую страсть к изобразительному искусству и реакцию своих близких на его выбор: „Правда, мачеха очень возражала против моего увлечения [живописью – В. О.]. Она всегда говорила: «Владька, ты никогда не будешь художником. Все художники – пьяницы и прощельги». Славная была женщина, правильно оценила эту профессию” (Gavril'čik M., электронный ресурс). Несмотря на предостережения, поэт все-таки рискнул, выбрав холст, кисть, краски и путь сближения с ленинградской богемой. Поселившись в Северной столице, Гаврильчик часто навещал Дом художественной самодеятельности, расположенный на улице Рубинштейна. Там он познакомился с живописцами из творческой интеллигенции, „пьющими водку” и „рисующими голых баб” (Gavril'čik M., электронный ресурс). В круг его знакомых входили тогда, среди прочих, кубист Василий Полевой, ученики художника Павла Филонова, покровителя молодых талантов, – Левон Каценельсон и Михаил Цыбасов, Олег Григорьев, а также яркие репрезентанты московского авангарда – Илья Кабаков и Евгений Бачурин. Всех их спланивали дерзкое отрицание соцреализма и страстная любовь к независимому творчеству. Этот автобиографический опыт Гаврильчик использовал в своем ироническом,ходящем до сарказма, поэтическом слове:

Я карандаш с бумагой взял.
Рисую сиськи.
А мне кричат, япона мать:
Кончай, паскуда рисовать
Непомаркисьски!

А я им тихо говорю,
Что вдохновлением горю,
Что я говею.
Они мне тоже говорят,
Ответственностью что горят
И скрутят шею.
(Gavriľčik V., электронный ресурс)

В стихотворении „работника пера и кисти”, задуманном как воспроизводимый „диалог” двух противоположных лагерей, преобладает саркастический тон. Герой Гаврильчика твердо защищает позицию независимого автора, однозначно высказываясь о своих идейных противниках в области искусства, что выражается в иронично-саркастической интонации последних строчек стихотворения:

Меня партийное мурло
Хватает прямо за горло:
Рисуй трудящих!
А я в ответ – мол, я не раб,
И рисовать желаю баб
Живородящих.

Зачем комедию ломать -
Для сей державы рисовать?
Идите на ху!
[...]
(Gavriľčik V., электронный ресурс)

Иногда саморазоблачающийся герой-рассказчик Гаврильчика сам становится объектом изображения. Такая ситуация наблюдается в стихотворении *В ненастный день толпы среди*, датированном 1980 годом:

В ненастный день толпы среди,
Влача стопы свои устало,
Бредет старик, прижав к груди
Бутылочки с мочой и калом.

Да-с, тело – это не гранит.
Сосуд сей хрупок и непрочен.
Рубака старый семенит
Леченьем тела озабочен.
(Āvleniā Žizni, электронный ресурс)

Шуточно-ироническое отношение авторского героя-повествователя к персонажу стихотворения формулируется, между прочим, употреблением слов с иронической окраской („рубака старый”) и выражений, определяемых как вульгарные. Слово „рубака”, „обычно относящееся к кавалеристу” и обозначающее „храброго, отважного человека, мастерски владеющего холодным оружием” (Kuznesov 1130), у классика ленинградского нонконформизма характеризует надежного идейного коммуниста, который, несмотря на пожилой возраст и слабое здоровье, остается начеку:

Болеет грудь, болеет срака,
Но в истине сомнений нет.
Душа его краснее рака
И в глазах бдительности свет.
(*Ávleniâ Žizni*, электронный ресурс)

С помощью вульгарной лексики поэт-примитивист рисует портрет „винтика в социалистической машине”, добросовестно выполняющего свой долг перед родиной. При этом он в ироническом авторском слове профанирует образы из известных произведений соцреалистической литературы, перед которой в сталинскую эпоху была поставлена задача „перевоспитания” людей и превращения их в единую послушную массу. На закате дней генсека Леонида Брежнева, когда после успеха тамиздатских стихотворений Гаврильчика, опубликованных в литературном альманахе „Аполлон-77”, поэт создавал очередные шуточные иронические стихи, особо ощущалось напряжение между верой напоказ в „светлое будущее” и скрытой убежденностью в провале этой идеи. Поэтому появляющееся в стихотворении слово „бдительность”, в советскую эпоху склоняемое во всех падежах, употребляется в иронических целях. Смысл стихотворения Гаврильчика возникает вследствие противопоставления бинарных оппозиций: духа и материи. Моральной устойчивости противопоставляется хрупкость человеческой плоти: „Да-с, тело – это не гранит. / Сосуд сей хрупок и непрочен” (*Ávleniâ Žizni*, электронный ресурс). Более того, существенное значение имеет также смещение и слияние полярно противоположных компонентов, вызывающее комический эффект. Сфера идейности соединяется здесь с материальным началом, составляющим основу диалектического материализма, постулирующего первичность материи и являющегося философской основой коммунистической идеологии (ср. *Tatarkiewicz* 256), но оказавшейся столь „хрупкой” и „непрочной”, как и тело ее защитника.

Итак, ирония, сущностью которой – как справедливо утверждает Агнешка Дода – является „несоответствие между значением слова и интенцией, обрисованной контекстом” [перевод мой – В. О.] (*Doda* 2004a: 89), представ-

ляет собой центральную категорию поэтической системы Гаврильчика. Писатель и живописец пользуется в своей лирике, главным образом, „откровенной”, „явной” иронией (в терминологии Доугласа Цолина Муецке). В основе этого типа иронии, в отличие от „скрытой” и „личной” иронии, лежит ориентация на обнаружение и понимание реципиентом ее настоящего значения (Муецке 62). Для автора *Порнографической поэмы* ирония остается орудием в борьбе с советской реальностью и средством защиты от нее; инструментом, не столько исправляющим ее пороки, сколько делающим их более заметными и одновременно, благодаря использованию поэтической техники „кривого зеркала”, смешными. Поэт резко оценивает окружающий мир, превращая его в объект насмешки. Советскую реальность изображает в ироническом ключе; иронически переосмысляет также соцреалистические образы, попутно издеваясь над основоположниками соцреалистической поэтики. В высказываниях героев Гаврильчика, которых нельзя воспринимать всерьез, читатель, в свою очередь, легко может обнаружить авторский способ восприятия мира. Благодаря этому, Гаврильчик остается настоящим ироником, а это качество ощутимо в его лирике, живописи и даже метатекстах, которыми являются авторские интервью.

Библиография

- Allemann, Beda. „O ironii jako o kategorii literackiej”. Per. Maria Dramińska-Joczowa. *Ironia*. Red. Michał Głowiński. Gdańsk, Słowo/obraz terytoria, 2002, s. 17–41.
- Čavčanidze, Džul'etta Leonovna. „Ironiâ”. *Literaturnaâ ènciklopediâ terminov i ponâtij*. Red. Aleksandr Nikolaevič Nikolûkin. Moskva, NPK Intelvak, 2003, s. 315–317.
- Doda, Agnieszka. „Ironia przeciw erozji wyobraźni”. *Powaga ironii*. Red. Agnieszka Doda. Toruń, Wydawnictwo Adam Marszałek, 2004a, s. 79–98.
- Doda, Agnieszka. „Wstęp”. *Powaga ironii*. Red. Agnieszka Doda. Toruń, Wydawnictwo Adam Marszałek, 2004b, s. 5–8.
- Èpštejn, Mihail. *Katalog novyh poèzij*. Web. 26.09.2017. <http://modernpoetry.ru/main/mihail-epshteyn-katalog-novyh-poeziy>.
- Gavril'čik, Mariâ. *Vladlen Gavril'čik*. Web. 13.03.2018. <http://www.sobaka.ru/city/portrety/18064>.
- Gavril'čik, Vladlen Vasil'evič. *Âponskij Bog*. Sankt-Peterburg, Borej-Art, 1994.
- Gavril'čik, Vladlen Vasil'evič. *Gerojskoe. Poëma*. Sankt-Peterburg, Izdatel'stvo Krasnyj matros, 2005.
- Gavril'čik, Vladlen Vasil'evič. „Iz knigi *Blâha-muha izdeliâ duha*”. *Apollon-77*. Red. Michel Chemiakine. Imprimé par les Arts Graphiques de Paris, Janvier 1977, s. 144–148.
- Gavril'čik, Vladlen Vasil'evič. *Izdeliâ duha (Stihi i poëmy)*. Izd. podgot. i primeč. sost. L. Klemušina. Sankt-Peterburg, Izdatel'stvo A-Â, 1995.
- Gavril'čik, Vladlen Vasil'evič. *Komedijnyj anbar"*: *sobranie sočinenij*. Sankt-Peterburg, Izdatel'stvo Krasnyj matros, Nemirov, 2008.

- Gawrił'čik, Władłen Vasil'ewič. *Pogoda stoił petrogradskaâ: stihi, poëmy, p'esy*. Sankt-Peterburg, Borej-Art, 2018.
- Gawrił'čik, Władłen Vasil'ewič. *Upražneniâ v užasnoj slovesnosti: stihi, proza*. Sankt-Peterburg, Borej-Art, 2004.
- Gawrił'čik, Władłen Vasil'ewič. *Vładłen Gawrił'čik*. Web. 26.02.2018. <https://lukomnikov-1.livejournal.com/587550.html>.
- Gawrił'čik, Władłen Vasil'ewič. *Vładłen Gawrił'čik: živopis', grafika, ob"ekty. Katalog ũbilejnoj vystavki*. Sankt-Peterburg, Borej-Art, 2009a.
- Gawrił'čik, Władłen Vasil'ewič. *Vpolgolosa* (audiokniga CD). Sankt-Peterburg, Izdatel'stvo Krasnyj matros, 2009b.
- Głowiński, Michał. „Ironia jako akt komunikacyjny”. *Ironia*. Red. Michał Głowiński. Gdańsk, Słowo/obraz terytoria, 2002, s. 5–16.
- Krejđ, Vadim. „O tvorčestve Władłena Gawrił'čika”. *Antologią nowejšej russkoj poëzii u Goluboj laguny v 5 tomah*. Red. Konstantin Konstantinovič Kuz'minskij, Grigorij L. Kovalev [*The Blue Lagoon Antology of Modern Russian Poetry*]. Red. Konstantin Kuzminsky, Gregory Kovalev]. Web. 26.02.2018. <http://www.kkk-bluelagoon.ru/tom4a/gavrilchik1.htm>.
- Kuznecov, Sergej Aleksandrowič et al. *Bol'soj tolkowyj slovar' russkogo âzyka*. Sankt-Peterburg, Norint, 2000.
- Muecke, Douglas Colin. „Ironia: podstawowe klasyfikacje”. Per. Grażyna Cendrowska. *Ironia*. Red. Michał Głowiński. Gdańsk, Słowo/obraz terytoria, 2002, s. 43–74.
- Nemirov, Miroslav, Ávleniâ Žizni. *Vse o Poëzii: Bukva „G”*. Web. 10.09.2019. <http://old.guelman.ru/slava/nemirov/gavrilch.htm>.
- Osiewicz, Bartosz. „Neskol'ko slov o pervoj tamizdatskoj publikaciji stihotvorenij Władłena Gawrił'čika”. *Przełład Rusycystyczny*, nr 3 (167), 2019, s. 157–171.
- Pazuhina, Kapitolina Igorevna. „Karnaval'nost' v poëzii V. Gawrił'čika”. *Izvestiâ VGPU. Filologičeskie nauki*, 2017a, s. 148–151.
- Pazuhina, Kapitolina Igorevna. „Poëziâ V. Gawrił'čika v kontekste gorodskogo fol'klora”. *Vostok – Zapad: Prostranstvo russkoj literatury i fol'klora: Sbornik statej po itogam sed'moj Meždunarodnoj naučnoj konferencii (zaočnoj), posvášennoj 90-letiu so dnâ roždeniâ D.N. Medriša. Volgograd, 15 dekabrâ 2016 g.* Red. Nadežda Tropkina. Volgograd, Volgogradskoe naučnoe izdatel'stvo, 2017b, s. 126–130.
- Prihod'ko, Gennadij. *Vładłen Gawrił'čik/Vładłen Gavrylchik*. Sankt-Peterburg, Seriâ Avangard na Neve, OOO P.R.P., 2004.
- Tatarkiewicz, Władysław. *Historia filozofii*. T. 3. *Filozofia XIX wieku i współczesna*. Warszawa, Wydawnictwo Naukowe PWN, 2002.
- Val'ran, Valerij. *Vładłen Gawrił'čik: delaũ vam krasivo... Władłen (ot Władimira Lenina)...* Web. 29.06.2019. <http://borey.ru/publishing/vladlen-gavrilchik-delayu-vam-krasivo/>.

